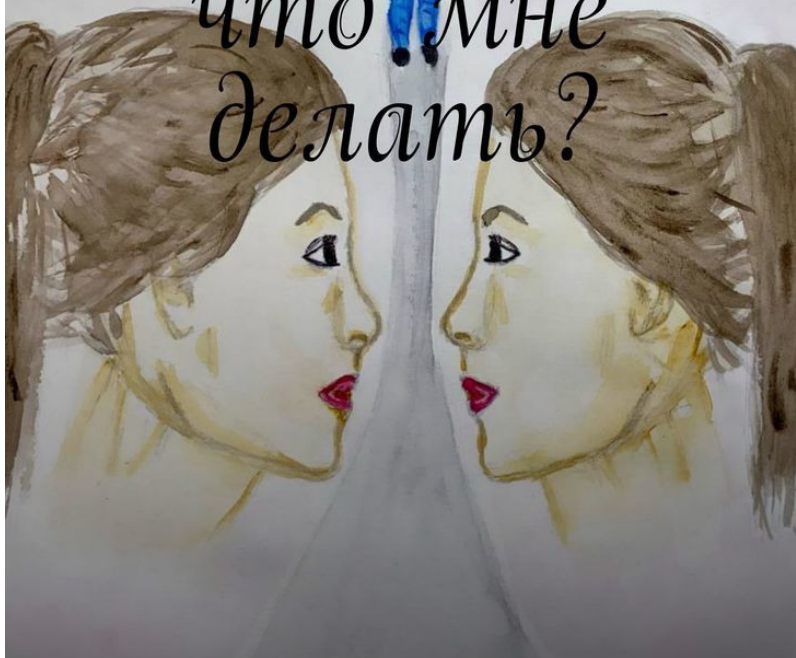

18+

Екатерина Сенина

Саша, скажи,
что мне
делать?

Екатерина Сенина

Саша, скажи, что мне делать?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68477936

ISBN 9785005923233

Аннотация

Сестра-близнец – подарок или проклятие? Знать, что ты не особенная и не уникальная, а худший вариант из двух одинаковых людей. Менее стройная, менее привлекательная и, возможно, поэтому менее счастливая. Как вам такое? Молодой журналистке Даше приходится жить с этими мыслями с самого детства. Ее сестра-двойняшка – успешная, замужняя, и мама почему-то любит именно ее, а не Дашу. Почему? Ответ на этот вопрос Даша находит случайно – пытаюсь помочь сестре разобраться в запутанной любовной истории.

Содержание

1	5
2	21
3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Саша, скажи, что мне делать?

Екатерина Сенина

Иллюстратор Елизавета Боронтова

Корректор Наталья Пенькова

© Екатерина Сенина, 2024

© Елизавета Боронтова, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0059-2323-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Октябрь 2007 года...

– Даша, ну ты идёшь? Даш, сейчас ливанёт: гром какой гремит, слышишь?

Лида стояла возле машины, поглядывая на серые колючие облака. Её муж неодобрительно качал головой, тяжело – так, чтобы жена видела, вздыхал и демонстративно поглядывал на часы. Лида нервничала.

– Мы сейчас без тебя уедем...

– Уезжайте, сама как-нибудь доберусь, – бросила Даша и уткнулась лбом в холодный гранитный памятник.

– Даша! – крикнула изо всех сил Лида.

– Уезжайте!

Лида махнула рукой и прыгнула в машину. Через несколько секунд Даша осталась одна. Небо продолжало чернеть, раскаты грома звучали всё ближе, и вот вместе с сухими, пожелтевшими листьями на неё посыпались редкие, но крупные капли дождя. Даша съёжилась от неожиданно холодного ветра, заревела и злобно стала барабанить кулаками по надгробию.

– Что? Что я тебе плохого сделала? Почему я? За что ты меня ненавидишь? Как мне поступить, умереть вслед за тобой?

Дождь зашёлся в истерике вместе с Дашей. И только маль-

чишка-подросток искренне улыбался, глядя на неё с овальной фотографии на ледяном камне. А Даша, мокрая насквозь, и не думала уходить....

– Зачем я родилась, – повторяла она, – зачем? Что мне теперь делать?

Ночь, когда Даша появилась на свет, врачи и медсёстры роддома вспоминали ещё не раз. Жуткий мороз, который обрушился на город 28 февраля 1983 года после долгой оттепели, видимо, не лучшим образом отразился на самочувствии многих беременных женщин. За сутки в приёмный покой поступило человек десять. Среди них оказалась и тридцатипятилетняя Галина Анатольевна Миловзорова – высокая крупная женщина с большим, трескающимся как спелый арбуз, животом. Она выла от боли и повторяла:

– Ещё же рано, ещё две недели ходить, сделайте же что-нибудь!

– У вас часом не двойня? – окинув её взглядом, поинтересовалась врач.

– Не знаю, – мычала Галина. – Лишь бы мальчик...

Этой беременности предшествовали аж три выкидыша и... одни успешные роды. Мальчик Саша, три девятьсот восемьдесят, пятьдесят три сантиметра. Галя – тогда ещё Устинова – родила его в феврале 1965 года, когда ей едва исполнилось 18 лет. В отца ребёнка, голубоглазого одноклассника Борьку Севостьянова, она влюбилась ещё в пятом клас-

се. Он, как и Галя, жил на Садовой улице, в соседнем доме. И хоть тот был второгодником и троечником, Галя писала о своих чувствах стихи и даже короткие рассказы, а ещё вела дневник, который показывала только самой близкой подруге. Борька же не замечал её до самого выпускного. Зато на выпускном неожиданно пригласил на танец. Галю трясло от волнения, ноги не слушались, вспотевшие пальцы прилипли к его плечам. Боря на ушко прошептал:

– Я в тебя влюблён с пятого класса...

И Галя растаяла. Она тут же поведала ему о своих чувствах и да, тоже с пятого класса – какое совпадение! И почему они боялись об этом сказать друг другу раньше! После выпускного парочка ещё долго прогуливалась по парку, а потом Боря предложил посмотреть заброшенный дом.

– Знала бы ты, сколько я там стихов тебе придумал, но ни один из них не написал. Как приходил домой – сразу всё забывал, – признался он.

– Зато я успела и написать, и выучить! Хочешь, прочитаю? – приободрилась Галя.

– Хочу, только давай там, где нас никто не услышит, – тянул её к тёмному строению без окон и дверей Боря.

Внутри пахло сыростью. Пол скрипел. В темноте едва можно было разглядеть очертания друг друга. Галя прижалась к Боре и стала шептать четверостишие. Тот улыбнулся, ответил поцелуем и стал расстёгивать на ней платье.

– Нельзя! Мама убьёт! – лепетала Галя, – и как-то быст-

ро всё...

– Мама даже не узнает, – убеждал Боря. – Да и знакомы мы почти всю жизнь, а мне вот-вот в армию...

Мама действительно ничего не узнала. Но потом у Гали округлился живот...

Борису сообщать ни о чём не стали: буквально на следующий день после их совместной прогулки Гале сказали, что он встречается с Ниной Терёхиной из девятого класса. Та ему наотрез отказывала в близости, а Боре очень хотелось узнать про «это» до армии. А тут одна из одноклассниц выдала секрет Галиной подруги, и парень не упустил шанс.

– Какой позор! Какой стыд! – причитала мама.

Лариса Васильевна работала учительницей младших классов и воспитывала Галю одна: муж умер, когда дочке и десяти лет не было.

– Внука я не потяну, – заключила она. – Поедешь на юг, к дяде Толе, они с тётей Элей – люди зажиточные, бездетные, вот пусть и возьмётся. Надеюсь, согласятся.

Дядя Толя – родной брат Ларисы Васильевны – работал поваром в крупном ресторане. Семья действительно была небедной: его жена, болезненная Эля Геннадьевна, даже могла себе позволить такую роскошь, как сидеть дома, в смысле не работать. Конечно, они мечтали о детях, но многочисленные визиты к врачам, отдых на курортах и лечение в санаториях так и не помогли им стать родителями. Зато, узнав об интересном положении племянницы, родственники обра-

довались. Вскоре в ответ на мамино письмо тётя Эля написала о том, что будет рада взять на себя все хлопоты о двоюродном внуке.

Так Галя оказалась за тысячу километров от родного дома. Через полгода после рождения сына она поступила в техникум на повара: дядя уговорил пойти по его стопам, обещая обеспечить работой. Сашу воспитывала тётя Эля. Она фотографировала каждый шаг малыша на свой «Зенит — 3М» и отправляла фотографии бабушке, где подробно описывала, что мальчик ел, пил, на сколько вырос и поправился.

Что касается Гали, то она долгое время никак не ощущала себя матерью. Скорее Сашкиной старшей сестрой. Уходила из дома, пока он спал, а возвращалась, когда тётя Эля уже рассказывала ему сказку на ночь. Галя не сидела возле постели Саши, когда тот болел, не была рядом, когда он сказал своё первое слово и когда сделал первый шаг. Тогда, в двадцать лет, её больше волновал поиск спутника жизни. Неплохие парни встречались, но всё как-то не складывалось.

Со своим первым мужем Галя познакомилась, когда ей было двадцать три. Он работал в такси и вёз её поздним вечером домой. Разговорились. На следующий день встретились. Потом ещё раз. А через месяц Виктор предложил выйти за него замуж и переехать к нему.

Тётя Эля плакала.

– Ну зачем тебе таксист? Такие мужчины в ресторан, где ты работаешь, заходят, неужели никого лучше встретить

не могла?

Потом она просила Галю оставить Шурика ей:

– Устраивай спокойно свою семейную жизнь, роди этому своему Вите ещё детей, а Шурку мы уж сами вырастим, он к нам привык, а ты его вообще не знаешь. Вот станет капризничать, что будешь делать?

Галя и сама понимала, что с сыном ей будет сложно. К тому же будущая свекровь совсем не обрадовалась, когда узнала, что у такой молодой невестки уже пятилетний ребенок. И всё же не принято это – бросать детей. И Саша переехал с мамой в дом Виктора.

В квартире были две крохотные комнаты, Саше поставили отдельную кровать в спальне родителей. Вот только опасения тёти Эли подтвердились. Мальчик, как и любой ребёнок в его возрасте, проказничал и почти не реагировал ни на маму, которую едва знал, ни на совершенно чужую бабушку. А уж суровый отчим, который не разрешал спать вместе с ними, и вовсе вызывал у него агрессию. Однажды, после очередной шалости во время ужина, Виктор не выдержал и отвесил сорванцу подзатыльник. Подобное случалось и раньше, но в этот раз шлепок оказался таким увесистым, что Сашка пролетел до середины стола и влетел в тяжелую салатницу. Из носа пошла кровь. Галя вскрикнула и бросилась с кулаками на мужа. Свекровь стала её оттаскивать от Вити, шипя при этом:

– Лучше бы сына своего воспитывала, прежде чем на му-

жа руку поднимать!

– Как вы можете так говорить, это же ребёнок! – кричала Галя.

– А ты хоть понимаешь, как сложно любить чужого ребёнка? – взвизгнул Виктор.

Саша сидел на полу, размазывая по лицу кровь, и плакал. Галя молча собрала вещи, схватила сына и, хлопнув дверью, ушла. Но, едва выйдя из подъезда, схватила Сашку за плечи и начала трясти:

– Я снова осталась одна! Всё из-за тебя! Всё из-за твоего дурацкого поведения! Из-за тебя я всегда буду одна!

По дороге к родственникам она размышляла о том, что на самом деле знает, как сложно любить чужого ребёнка. Ведь по сути Саша был для неё именно таким – чужим. Она лишь родила его, обезобразив свою фигуру и получив клеймо матери-одиночки.

Увидев их обоих на пороге, тётя Эля присела, обняла Сашку и заявила:

– Больше не отпущу.

Но отпустить пришлось через год, когда Лариса Васильевна, мама Гали, попала в больницу с инсультом. Домой вернулась уже совсем другим человеком. Не «овощем», как боялась дочка, но и той сильной, никогда не унывающей Лары Васильевны, как её чаще называли коллеги, уже не было. Мама почти не ходила, да и ложку держала с трудом. Кроме того, появились проблемы с речью, памятью, туалетом... Галя бы-

ла вынуждена переехать к ней: до этого они с Сашей выби-
рались к бабушке раз в год, и то на пару недель, не больше.

Знакомым и одноклассникам Галя рассказывала о том, что отец Сашки трагически погиб. Она же со своим опытом и рекомендациями от дяди быстро нашла хорошую работу и даже смогла нанять сиделку. А вскоре в её жизни появился новый Борис – местный участковый, который искал свидетелей квартирной кражи у одного из жильцов дома. Позвонил и в Галину дверь. Хозяйка не хотела впускать, стеснялась едкого запаха больного человека, которым, как ей казалось, была пропитана и вся квартира, и её одежда. Но милиционер учуял лишь тёплый аромат котлет, который доносился с кухни, и попросился на чай. А через час уже всю рассказывал Саше и его маме о бандитах, погонях, преступлениях и наказаниях. Всё это скорее был опыт его коллег, но Саша так заворуженно смотрел на гостя, что тот не мог остановиться. А когда собрался уходить, мальчик попросил:

– Приходите к нам ещё!

Галя решила: это знак, ведь раньше сын не проявлял ин-
тереса ни к одному из её знакомых.

Новый Боря оказался младше Гали на несколько лет, и, несмотря на суровость профессии, был обходительным, добрым и послушным. Гале он приносил конфеты, в свободное время катался на велосипеде или лыжах с Сашей и ежедневно интересовался здоровьем её мамы, а когда Лариса Васильевна умерла, взял на себя все хлопоты по похоронам.

После росписи Галя стала Миловзоровой. Так в её жизни началась, несомненно, самая счастливая глава: она наслаждалась ролью жены, но самое главное – заново знакомилась со своим стремительно взрослеющим сыном.

Саша хорошо учился и рос вполне послушным ребёнком, а ещё мечтал стать, как и Боря (он его называл папой), милиционером. Планов на жизнь было громадье. Например, построить на заветных шести сотках маленький садовый домик. Галя наблюдала, как муж учит сына правильно держать молоток, и едва сдерживала слёзы, чтобы не зарыдать от счастья. А вот тётя Эля и сдерживать себя не стала, когда, приехав к ним в гости, увидела всю эту картину:

– Какое счастье, – повторяла она. – У Шурика и мама, и папа...

Жизнь перевернул один из жарких августовских дней. Саша отпросился у родителей покататься с мальчишками на велосипеде. Галя была не против: за пределы садового товарищества сын никогда не выезжал, а все его друзья были хорошо знакомы родителям.

– Иди, только к пяти будь дома.

Но стук в вагончик, где временно ютилась семья, раздался намного раньше. На пороге стоял сосед. С одышкой и заикаясь, он сказал, что Саша погиб: гонял с мальчишками по просёлочной дороге, попал колесом в колею, упал и ударился головой о камень. Когда подросли взрослые, уже не дышал. Галя и Борис бросились к дороге. Надеялись, что всё это ка-

кая-то ошибка. Но нет. Соседи только сочувствующе опустили глаза.

Первый год после трагедии Галя жила словно в страшном сне. Вслед за похоронами сына пришлось ехать на похороны к тётке Эле: она и девяти дней не прожила после смерти любимого Саши. Дядя Толя стал пить. Пил и муж. Как-то раз Галя шла с работы и неожиданно встретила того, другого Бориса, отца Саши. Он улыбнулся, увидев её, спросил, как дела. Галя пожала плечами и ускорила шаг, хотела пройти мимо, но Борька последовал за ней.

– Да ладно тебе, расскажи, как дела, как сама? – не унимался он. – А я вот развёлся. Был женат на Нинке Терёхиной, помнишь, в девятом училась, когда мы школу закончили? Детей так и не нажили, так что свободен теперь как ветер. На заводе работаю. Галь, а может, встретимся как-нибудь? Или ты всё обижаешься за тот случай?

Галя, наконец, остановилась.

– Нет, Борь, не обижаюсь. От «того случая» у меня родился прекрасный мальчик. Сашка. Добрый, умный, моя гордость.

– Сын? – Борис глупо улыбнулся.

– Да, сын, – посмотрела ему в глаза Галя и выпалила:

– Похоронили недавно, погиб.

Борис округлил глаза:

– Как так?

Но Галя не могла с ним больше разговаривать, побежала прочь. Дома она застала мужа, который приговаривал очередную бутылку водки. Галя пронеслась мимо него в комнату, закрылась и стала рыдать. Рыдала до тех пор, пока не уснула.

Ночью ей приснился Саша. Таким, как она видела его в последний раз: с взъерошенными пепельными волосами, сероглазым, улыбчивым. Он стоял на дороге, придерживая велосипед. Галя вздохнула с облегчением: жив. Она подошла к нему, обняла и стала целовать его бледные щёки.

– Мам, мне уходить надо, – глядя куда-то вдаль, спокойно сказал сын. – Ты больше не плачь, ладно? Будет у тебя ребёнок вместо меня, вот увидишь. И папе скажи, чтобы не пил, а то со службы прогонят.

Галя схватила его за плечи:

– Не нужен мне больше никто, только ты!

Но Саша превратился в дымку над роковой ухабистой дорогой и исчез. Галя открыла глаза. Она лежала на кровати сына, на столе стояла его фотография. Слезы снова брызнули из глаз осиротевшей матери, но, вспомнив о Саше, она пошла будить мужа.

– Давай родим ребёнка, – громко сказала Галя, сев перед ним на колени.

Борис спал. От него пахло вчерашним алкоголем.

– Мне Саша этой ночью сказал, что у нас будет сын. Вместо него, понимаешь? Другой сын родится, но это он будет.

Борь, давай больше не пить? Давай родим?

Борис открыл глаза, но, видно, плохо разбирал то, что таторила жена.

– Говоришь, вместо него? Что?

Но Галя, уже раздетая, пыталась его заставить выполнить супружеский долг...

Первая беременность наступила через полгода. А ещё через три месяца Галя оказалась в больнице: плод спасти не удалось. Потом были новые попытки, и новая беременность, и снова больница. И в этот раз они с Борисом уже не верили, что получится, хотя очень хотели. Но Галя доносила до тридцать восьмой недели. Живот рос намного быстрее, чем в первый раз, да и ребёнок был более активный. На одном из последних приёмов у врача Галя осторожно спросила:

– Может быть, у меня двойня?

Врач ещё раз послушала живот и строго посмотрела на пациентку:

– В роду двойни были?

– Нет, – растерянно ответила та, – не припоминаю.

– Ну тогда и успокойтесь, мамаша.

– А если всё-таки?

– Если родится у вас второй ребенок, значит, это двойня.

А по мне – уж поверьте, я пересмотрела сотни таких животов, – крупный мальчик. Наберитесь терпения ещё на три

недели.

Но уже через пять дней Галю со схватками привезли в роддом и после осмотра направили в родзал. Роды были тяжёлыми. Наконец команды врачей «Тужься!» и «Давай!» сменил тоненький писк младенца. На часах было 23:40. Галя заплакала и, собрав последние силы, прошептала:

– Дайте мне его! Дайте на него посмотреть...

– На неё! – поправила врач. – У вас девочка! Да ещё и такая красавица!

В ответ мамаша закрыла глаза и заплакала.

– Нет-нет, это должен был быть мальчик! Я ждала мальчика!

– Мамочка, вы не в себе от счастья! – успокоила её врач. – У вас там ещё один ребёночек и, кажется, тоже девочка, и лежит неправильно. Давайте поработаем!

Но Галя плакала навзрыд и не могла остановиться. Растерянные медики пытались её успокоить, но слова не помогали. Пациентка билась в истерике и проклинала всё и всех на этом свете. Пришлось колоть. Галя начала приходить в себя, но родовая деятельность предательски прекратилась. Она лежала, широко открыв глаза, и тихонько всхлипывала. Так прошло больше часа.

– Ну вот что. Если ты сейчас же не возьмёшь себя в руки и не соберёшься, твой ребёнок погибнет, – злобно фыркнула врач. – Из роддома на кладбище поедешь? Он же жить хочет!

Эти слова отрезвили безутешную мать. Только не туда,

не на кладбище! Нет-нет, надо тужиться, конечно, из последних сил. «Хоть режьте меня, только достаньте живого!» – умоляла она.

Впоследствии Галя ещё не раз задавалась вопросом, откуда тогда взялось столько сил, и мысленно благодарила врачей, которые сделали всё возможное: согнули её так, что та и не представляла, насколько может быть гибкой! Маленький синевато-красный комочек наконец оказался в руках медиков и еле слышно запищал. Тоже девочка, но теперь Галя плакала уже от счастья – живая... Худая, крохотная, весом в два триста, на полкило легче сестры. Она смотрела матери прямо в глаза и шевелила крохотными пухлыми губками. Галя ревела: «Какая красавица! А я, дура, чуть не потеряла тебя». Врач глянула на часы: «Ровно час ночи. И это уже март!» А уже с двух ночи под окнами раздавалось пьяное: «Ура! Две дочки! Галечка, Галюнечка, Галчоночек, спасибо!»

– Жаль мужика, сейчас кто-нибудь милицию вызовет, и увезут, – буркнула одна из девчонок в палате, куда привезли Галю после родов.

– Не заберут, – тихо отозвалась та и не стала объяснять, почему.

Утром её окружили соседки по койкам.

– Ну надо же! Две девчонки! Одна родилась в феврале, другая – в марте! Бывает же так!

– Как же вы дни рождения справлять будете?

– Так-так, – прервала всех врач, – прошу занять свои ме-

ста, – и посмотрела на Галю:

– Как себя чувствуете? Молодец, у нас первая в этом году двойня! Уже придумали, как назовете?

– Старшую – Сашей, младшую – Наташей, – ответила она.

– Очень красивые имена! – воскликнула одна из соседок. – Сашей – в честь папы?

Галя опустила глаза:

– В честь моего первого сына. Он погиб восемь лет назад.

В палате наступила мёртвая тишина. Одна из женщин тайком перекрестилась:

– Нельзя же в честь умерших детей называть, плохая примета.

Галя злобно посмотрела на неё:

– Хочу и назову. Я столько лет мечтала о рождении Саши. И пусть это девочка, все равно будет Сашей! И тоже – Александра Борисовна.

– Саша так Саша, – пожал плечами счастливый Боря, когда на выписке Галя ему озвучила имена дочерей. – Знаешь, Галчон, я не верю во все эти суеверия, ерунда всё. Лишь бы ты была счастлива!

Но родственники мужа, узнав, что одна из девочек получила имя покойного брата, запаниковали: примета да, плохая, в старину родители так называли детей, если желали их смерти. Да и маленькая Саша словно протестовала: плакала чаще сестры, да так, что по часу не могли остановить, отка-

зывалась брать грудь. Все ночи напролёт Гале приходилось носить её на руках. В одну из таких бессонных ночей озлобленная мать разбудила мужа и рывкнула:

– Достали все, давай поменяем ей имя. Какая она Саша? Саша был спокойным, хорошим ребенком, а эта извела меня! Сил нет.

– И как назовём? – едва понимая спросонья, что происходит, спросил Борис.

– Не знаю даже, Катей или Машей?

Так у малышки появилось новое свидетельство о рождении и новое имя – Даша. Но то разочарование, которое испытала мать в момент её рождения, так и осталось горьким пятном и в жизни Даши, и в её отношениях с родительницей.

2

Как и все близнецы, Даша и Наташа были очень похожи: невысокие – в папу, голубоглазые – в маму, с густой пепельной шевелюрой, как у покойного Сашки. Их часто называли одинаковыми, шутили: двое из ларца, прохожие с любопытством оглядывались, а друзья и родственники, обращаясь к каждой из них, нередко сначала уточняли, с кем именно имеют дело.

Впрочем, Наташе судьба улыбалась всегда чуть больше: она была чуть смышлёней, ей лучше давались точные науки, и, как замечали многие, чуть привлекательнее: на пару сантиметров выше, на пару килограммов легче, грудь – на размер больше, а талия на пять сантиметров уже.

Наташа легче сходилась с людьми, ни с кем не конфликтовала, с детства её окружали кавалеры. Даша казалась на её фоне жуткой занудой: прогулкам она предпочитала чтение книг. Пока Наташа засиживалась в беседке с подругами, Даша перечитывала «Унесённых ветром», «Джейн Эйр», «Поющих в терновнике» и прочую, как выражалась Наташа, ерунду, которую «куда интересней смотреть по телеку».

В одиннадцать лет Наташа шепталась с подругами о том, что Димка из соседнего двора целуется лучше, чем Ваня из шестого класса, но встречаться она согласилась с тринадцатилетним Кириллом, потому что тот «взрослый», дарит

подарки и катает её на велосипеде. Даша в это время была влюблена... в мистера Рочестера и, спрятавшись на подоконнике за портьерой, искала любимые моменты в потрёпанной книжке. Потом Дашу у мистера Рочестера отбил Дэвид Копперфильд. Нет, не герой романа, а американский иллюзионист: его шоу в те годы часто показывали по телевизору. В любом случае, и эта её любовь была обречена лишь на страдания.

Все свои переживания Даша доверяла бесконечным дневникам. Туда же записывала свои стихи и короткие рассказы. Читала их только Наташа и искренне радовалась за каждое новое произведение своей сестры, уговаривая дать глянуть хотя бы родителям. Но Даша отказывалась. Она и Наташу не посвящала бы в свои секреты, потому что в глубине души жутко злилась на неё. И было за что.

Да вот хотя бы ситуация с днями рождения. У Даши – 28 февраля, у Наташи – 1 марта. Подруги и друзья – одни и те же, родственники —разумеется, тоже. Но не будут же они собираться два дня подряд. А заранее день рождения никто не празднует. Поэтому в день рождения Даши все обходились поздравлениями на словах. Зато день рождения Наташи превращался в настоящий праздник, на котором Дашу, конечно, поздравляли тоже, но уже с прошедшим. И даже подарки сёстрам чаще всего дарили именно в день второго дня рождения, потому что близнецам, как и положено, покупали что-то одинаковое. И, чтобы Наташа не обрадовалась

раньше времени, Даше приходилось немножко погрузить. Чаще день, в високосный год – два дня.

После школы обе сестры решили поступать на юридический факультет местного государственного университета – мать настояла. Наташа поступила, а Даша так разволновалась, что провалила экзамены. В последний момент перед началом учебного года родители успели наскрести нужную сумму и пристроить её в коммерческий вуз.

– Первый семестр мы оплатили, второй – сама, как хочешь, – строго сказала мать.

Сначала Даша хотела бросить учёбу: ей было стыдно за свой провал, и от успеха сестры на душе становилось ещё тяжелее. С другой стороны, куда, как ей тогда казалось, без «вышки»? Даша купила газету объявлений. Искала работу сиделки, уборщицы, официантки, а потом наткнулась на объявление одного из популярных городских изданий: в редакцию требовался корреспондент. В школе Даша иногда писала заметки в стенгазету, а со своими сочинениями не раз занимала призовые места на всевозможных конкурсах. Она собрала небольшое портфолио и без звонка отправилась по указанному адресу. Увидев её, главный редактор, невысокий мужчина лет сорока пяти-пятидесяти с багровым лицом и стойким запахом перегара, округлил глаза и улыбнулся:

– На филолога учитесь?

– На юриста.

– Хм, и о чём же вы хотели бы писать?

Даша принялась перечислять:

– Могу, например, о самых популярных специальностях высшего образования, или где найти подработку бедному студенту. А вот ещё – плюсы и минусы коммерческих вузов...

Главред снова улыбнулся и потёр руки.

– Отличные темы! Хорошо, давай попробуем. В субботу сможешь поехать в сельскую местность? Нужен будет репортаж.

Даша кивнула головой.

– Уже догадываюсь: как школы готовятся к Первому сентября?..

– Ахаха-ха, ахаха-ха! Конкурс. По искусственному. Осеменению. Крупного рогатого скота. Ахаха-ха! Думаю, наш Юрик просто таким деликатным образом решил от тебя избавиться. Ох, умру сейчас со смеху, – заливался пожилой редакционный водитель Сан Саныч, выкуривая одну сигарету за другой.

Они ехали на старенькой «пятёрке» прочь из города в какой-то СПК. Даша переживала: она снова забыла, как расшифровывается эта аббревиатура.

– А хочешь анекдот в тему? – продолжил Сан Саныч. –

Слушай. В совхозе идет искусственное осеменение коров. Ветеринар со шприцем и баночкой спермы обходит стадо и, завершив процесс, собирается уходить. И тут коровы выходят к нему навстречу и строго спрашивают: «А поцеловать?». Ахаха-ха! Ну, ты поняла, в чем суть?

Даша выдавила из себя некрасивую улыбку. Минут через двадцать они уже были на месте. Люди – кто в белых халатах, кто в пиджаках, а также коровы, автомобили, а ещё накрытые столы с алкоголем, колбасой, варёной картошкой, огурцами, помидорами и пирожками. Какая-то женщина, узнав, что Даша «из газеты», тут же сунула ей в руку крендель. Даша была очень голодна, но ещё больше волновалась и от этого не могла ничего есть, так что крендель бросила в сумку.

Некоторое время она испуганно смотрела на происходящее и не понимала, что делать: с кем говорить, какие вопросы задавать, как это всё описывать, и ей хотелось плакать. Но потом увидела высокую блондинку с блокнотом и микрофоном, которая вместе с крепким парнем, держащим на плече камеру, ловко ныряла в толпу и беседовала то с кем-то из зрителей, то со специалистами. Даша погналась за ней.

– Спрашивайте, только у меня очень мало времени, – согласился обильно потеющий мужичок с высоко закатанными рукавами, которого Даша остановила сразу после его общения с телевизионщиками. – У нас ночью пожар был, целая семья осталась без крыши над головой, а у них пятеро детей. Не до конкурсов сегодня.

Перед ней стоял глава одного из сёл. Даша задала пару робких вопросов и, когда мужичок уже собирался уходить, неожиданно – особенно для самой себя – добавила: «Можно я с вами?».

– Да, почему бы и нет, – оживился глава. – Поедем!

Сан Санычу эта идея не понравилась.

– Ещё десять километров туда и столько же обратно? Мне денег на бензин не дали. Езжай сама, я тут подожду, поем.

В итоге Даша отправилась в село со своим новым знакомым. Всю дорогу Валерий Иванович Панченко рассказывал о родном селе: он там и сам вырос, и детей вырастил-женит, и родителей похоронил. И пожары, конечно, там бывали, но чтобы вот так... Детей погорельцев он разместил у себя, взрослым места не хватило, спят в уцелевшей теплице.

– На носу осень, 1 сентября, ни теплых вещей, ничего, – причитал Валерий Иванович. – А у нас в селе народ небогатый, копейки собрали.

Уже по дороге домой, в прокуренном салоне «пятёрки», Даша, отстранившись от дурных шуток водителя, вспоминала обугленные стены небольшого двухэтажного домика, сгоревший сарай, трупы коз и кур, скулящую собаку и самую младшую из детей – шестилетнюю Веронику, которая, разбирая чёрные деревяшки, не переставала звать кошку Басю.

– Родители так и не решились сказать дочке, что её любимица погибла. У них сейчас другие заботы: август подходит

к концу, ещё пара дней – и чудом не тронутую огнём теплицу уже нельзя будет использовать как ночлег. Пока же Павел и Юля ютятся там, а детей на время взяли к себе соседи. А что будет дальше? Эти мысли не дают покоя многодетным родителям. Огонь поглотил всё: комнаты, кровати, одежду и едва купленные к новому учебному году школьные принадлежности, – бубнил себе под нос текст Даши Юрий Никитич. – Молодец! Хорошо! – заключил он. – Поставим твоих погорельцев на первую полосу, и целую полосу – под статью. И ещё добавим, что неравнодушные люди могут нести материальную помощь в нашу редакцию. Да, и репортаж с коровами мне тоже понравился, заголовок особенно. «И поцеловать!» – очень смешно. Будешь у нас работать.

Спустя несколько дней в редакцию повалил народ, оставляя рядом с пачками газет куртки, пальто, резиновые сапоги, шапки, коробки с посудой, мешки с картошкой и консервацию, а ещё пеналы, забитые ручками и карандашами, рюкзаки и даже игрушки. Одна женщина принесла породистого котёнка для Вероники. А пенсионерка из соседнего села предложила погорельцам пожить у неё. Вскоре откликнулась и администрация района. Семью переселили в одну из муниципальных квартир.

Даша стала штатным корреспондентом. С окладом, гонорарами, регулярными рубриками, а вскоре – и с постоянными читателями, среди которых были и её преподаватели: некоторые даже зачёты ставили автоматом, только потому

что читали, знали или выписывали. Сама же Даша настолько привыкла к образу журналиста, что уже и не представляла себя в будущем кем-то иным.

Пока её сверстники наслаждались молодостью – кутили в клубах, участвовали в студенческой жизни, КВН и прочее, Даша часами беседовала с бабульками о том, как из крана на кухне льётся вермишель, а из розеток – дождевая вода, выясняла у депутатов горсовета, почему те не проголосовали за ремонт той или иной дороги, или охотилась за чиновниками, требуя прокомментировать появление плесени на стене нового детского сада.

Работа её сводила не только с героями новых публикаций, но и с мужчинами. Своего первого – двадцатипятилетнего Дениса Приходько – Даша встретила на фуршете для прессы, когда ей было 19 лет. Денис был известным в городе журналистом, ведущим криминальной хроники на федеральном телеканале, вот уже несколько лет он жил в Москве. От провинциальных коллег его отличал Panasonic GD87 со встроенной цифровой камерой. На фуршет попал случайно: проводил отпуск у родителей и пошёл туда за компанию с коллегами.

– А рабочий твой я и так знаю, надо будет как-нибудь к Юрику заглянуть, – сказал на прощание Денис, захлопнув серебрястую «раскладушку» и окончательно вскружив Даше голову: такой молодой, а её уважаемый Юрий Никитич для него просто Юрик!

Денис позвонил, как и обещал, на следующий день. А ещё через пару дней пригласил её на концерт «Мумий Тролля»: достал бесплатные приглашения. Даша была счастлива и, конечно, согласилась потом остаться у него на ночь. Утром проснулась с больной головой: до этого она никогда не пила водку. Денис в это время уже что-то готовил на кухне.

– Тебе на учёбу во сколько? Не опоздаешь? – спросил он, когда Даша села за стол в его футболке.

– Сегодня к третьей паре, так что можно не торопиться, – улыbnулась она.

– А на работе что? – не переставал волноваться Денис.

– Вечером интервью, а до этого свободна! – и Даша потянулась к нему, хотела поцеловать, но Денис подставил щёку.

– Я кофе сварил, яичницу пожарил, ты ешь, а то времени всё равно в обрез, – сказал он и посмотрел на часы. – Мне на вокзал ехать, человека встречать.

– Кого? Это обязательно?

– Да, – Денис отвел глаза. – Олю, мы живём с ней. А эта квартира – её.

Даша вспомнила, что в стаканчике в ванной как-то подозрительно смотрелись две зубные щётки, но тогда она не придала этому значения.

– А я думала... – всхлипнула Даша.

– Ты думала, что мы поженимся, что у нас будут дети? – ухмыльнулся Денис. – Шучу, знаю, что не подумала. Можем потом как-нибудь увидеться, главное, никому об этом не го-

вори. Ладно?

Даша допила кофе, собрала вещи и ушла. Оказавшись в своей комнате, расплакалась: первый мужчина – и такой стыд! Ей хотелось с кем-то поделиться этой историей. Например, с Наташей.

Сестра вернулась домой, когда все остальные уже поужинали. Она была в приподнятом настроении, с лица не сходила улыбка.

– Прошу всех собраться! У меня важная новость! – крикнула с порога она и, дождавшись, когда родители разместились на диване, торжественно объявила:

– Наш Лебедь сделал мне предложение! – Наташа вытянула вперёд правую руку, на безымянном пальце искрилось кольцо. – Мы с Костиком поженимся! Я выхожу замуж!

3

Мама Галя восторженно ахнула и подлетела к дочке. Отец застыл в приятном недоумении. Даша улыбнулась, но получилось как-то неискренне.

Константин Сергеевич Лебедев был не только преподавателем Наташи, но и известным адвокатом. Даша о нём много слышала, и отнюдь не от сестры: имя, как теперь оказалось, будущего родственника, часто мелькало в публикациях о громких судебных процессах.

– Какое же счастье! – восторгалась мама. – Надо будет платье в ателье заказать. А где отмечать будем? У знакомой дочь замуж выходила, так они спортивный зал в школе снимали. Может, и мы тоже? Могу номер узнать.

– Какой ещё зал? Костя сказал, в ресторане!

– Ну тогда надо встретиться и договориться, кто за что платит, – вмешался папа.

– Костя сказал, всё сам.

– А мы? Мы тоже хотим, – не унимался отец.

– Настоящий мужчина, – повторяла мама.

– Он же старый, сколько ему, сорок? – недоумевала Даша, наконец оставшись наедине с сестрой.

– Тридцать один, – поправила та. – Но он выглядит очень хорошо, похож на Леонардо Ди Каприо, только высокий, и такой весёлый, что я вообще не чувствую разницы между

нами.

– Ну да, всего одиннадцать лет, с чего бы её чувствовать?

– А какой толк от прыщавых однокурсников, с которыми я до Кости встречалась? – возразила Наташа. – Ладно тебе, Дашунь, погуляем на свадьбе! Может, и ты найдешь себе кого-то. Хочешь, я букет бросать не буду, а отдам тебе?

Даша насупилась:

– Нет уж, бросай как положено.

На свадьбе Даша грустила. Мужчин среди гостей было достаточно, но все они пришли с жёнами. Даша рассматривала свою сестру-близнеца и думала: вот так бы и она выглядела в роли невесты. Порой девчонки мечтают выйти замуж, только чтобы увидеть себя в свадебном платье, в красивой машине с лентами, под крики «горько!» поцеловать мужа. И вот она всё это видит. Но не чувствует.

– Выпьем, сестра? – прервал её мысли низкий мужской голос за спиной. Даша обернулась. Перед ней стоял новоиспечённый Наташин муж с двумя бокалами шампанского. – Ты чего грустишь?

Даша не нашла что ответить. Только взяла бокал и, сделав глоток, закашлялась.

– Ну-ну, осторожней, – похлопал её по спине Константин. – Там дальше конкурсы какие-то будут, пошли!

– Я уже скоро домой пойду, послезавтра газета сдаётся, а у меня куча ненаписанных статей, – ляпнула Даша.

– Подождёт твоя куча! Знаешь, из какого это фильма? – рассмеялся новобрачный.

Даша в ответ улыбнулась.

– Знаю. Хорошо, Константин Сергеевич, я присоединюсь к конкурсам.

– Только давай без Сергеевича, мы же теперь родственники, – рассмеялся Лебедев и, чокнувшись с Дашиным пустым бокалом, направился к другим гостям.

Он был действительно хорош. Конечно, вовсе не Ди Каприо, с ухмылкой отмечала Даша, но всё же симпатичный, статный и, как Даше показалось, с хорошим чувством юмора: старые добрые фильмы она тоже цитировала при каждом удобном случае.

Букет Даша не поймала, хоть и пыталась. И единственное, что радовало её в этой ситуации, это то, что теперь в их с Натасей комнате она будет одна. Впрочем, со временем мама стала намекать, что хорошо бы ей уже остепениться и жить отдельно. А ещё лучше, по примеру сестры создать семью: хватит уже по мужикам шляться!

После неудачных отношений с журналистом Денисом у Даши был недолгий роман с однокурсником Серёжей – и после этого она дала себе обещание больше никогда не связываться со студентами. Потом Даша встретила Леонида. Тот работал в местном драматическом театре и иногда снимался в рекламе. В родном городе его стали узнавать после

ролика с шоколадным батончиком. Но с тех пор прошло уже лет пять, и стремительно лысеющего тридцатипятилетнего актёра всё чаще приглашали на роль сантехника, устраняющего засор правильным средством, или замученного позывами в туалет мужа.

Леонид много курил (и пил тоже много), но был очень уютным – добрым, эрудированным, они часами говорили по телефону или в его постели. Иногда Даша оставалась у него на ночь и, пока Лёня спал, пыталась навести в его крохотной засаленной «однушке» (зато в самом центре города – наследство бабушки) хоть какой-то порядок. А утром готовила ему омлет или пшённую кашу: оказалось, мамин рецепт полностью совпал с тем, по которому готовила такую же кашу бабушка Леонида.

Через полгода актёр вручил Даше ключ от своей квартиры, и та на радостях уже вечером перевезла к нему вещи. Они выбросили из комнаты кровать с панцирным матрасом и на это место поставили Дашин диван (первое, что она приобрела после переезда сестры). На кухне повесили телевизор, тоже Дашин. Через месяц она стала уговаривать Лёню сделать там ремонт и купить новый гарнитур. Тот долго отказывался:

– Я вырос с этими обоями, на этой плите готовила моя бабушка, и тумбочка вполне ещё ничего.

– Ну она же без двери!

– А зачем ей дверь?

И всё-таки Даша стояла на своём. И вскоре Леонид уступил. Тем более что организацию ремонта, покупку и установку кухни Даша взяла на себя. И, конечно, всё оплачивала из своего кошелька.

Родители переживали: «Хоть бы познакомила нас со своим парнем». Даша отвечала: «Конечно, в ближайшее время», но умалчивала о том, что Леонид ни с кем не хотел знакомиться и замуж её тоже не звал, хотя за глаза она уже давно в разговорах со знакомыми и друзьями называла его мужем.

Ещё через полгода начались скандалы. Леониду часто не хватало денег на алкоголь, и он брал их (в основном без спроса) у Даши: «Но мы же вместе», – объяснял он. Зато любая попытка Даши вторгнуться в его личное пространство – выбросить грязные и прожжённые пеплом журналы из туалета, разобрать мусор в его письменном столе, а также её звонки на сотовый, когда он на встрече с коллегами, оборачивалась многочасовыми выяснениями отношений. Даша всё отчетливей понимала, что семьи из них не получится. А ей так хотелось, чтобы родители погуляли и на её свадьбе, а если получится, и раньше Наташи подарить им внуков. Сбыться этим мечтам было не суждено.

Как-то раз Даша вернулась с работы раньше обычного. Леонид сидел за столом с какой-то явно немолодой, но внешне интересной женщиной. Её лицо Даше показалось знакомым: возможно, тоже актриса. Они пили вино. И всё бы ничего, но ноги гости лежали на коленях Лёни.

– Даш, я объясню, – начал Леонид.

– Проводи свою даму и потом объясняй, – взвизгнула она.

– Ты не на рынке, чтобы орать, – тут же сменил тон Леонид.

нид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.